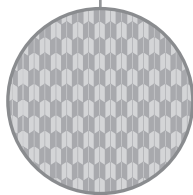


лучшая проза Тайваня

СЬЯМАН РАПОНГАН

ЧЕРНЫЕ КРЫЛЬЯ



Издательство АСТ
Москва

УДК 82-32
ББК 84(5Кит)-44
P22

Syaman Rapongan
BLACK WINGS

Печатается с разрешения Linking Publishing Co., Ltd.,
при содействии Andrew Nurnberg Associates International Limited



Книга издается при поддержке
Министерства культуры Тайваня
This book is published with the support
of the Ministry of Culture of Taiwan

Серийное оформление и дизайн обложки
Владислава Воронина

Перевод с китайского
Виталия Андреева

Сьяман Рапонган

P22 Черные крылья / Сьяман Рапонган; пер. с китайского
В. Андреева. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 288 с. —
(Лучшая проза Тайваня).

ISBN 978-5-17-146107-2

История дружбы и взросления четырех мальчишек развивается на фоне необъятных просторов, окружающих Орхидеевый остров в Тихом океане. Тысячи лет люди тао сохраняли традиционный уклад жизни, относясь с почтением к морским обитателям. При этом они питали особое благоговение к своему тотему – летучей рыбе. Но в конце XX века новое поколение сталкивается с выбором: перенимать ли современный образ жизни этнически и культурно чуждого им населения Тайваня или оставаться на Орхидеевом острове и жить согласно обычаям предков.

Дебютный роман Сьямана Рапонгана «Черные крылья» – один из самых ярких и самобытных романов взросления в прозе на китайском языке. Он был опубликован в Тайбэе в 1998 году и удостоен нескольких литературных премий, включая Литературную премию У Чжо-лю. Автор исследует тему столкновения двух культур и обращается к своему родному языку тао, создавая параллельные диалоги на двух языках. В этом издании у читателя есть возможность впервые познакомиться с текстами на языке коренного народа тао: диалоги сохранены в оригинальном авторском написании и даны в фонетической транскрипции на русском языке.

УДК 82-32
ББК 84(5Кит)-44

© Syaman Rapongan, 2009, 2022
© В.И. Андреев, перевод, предисловие, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

ISBN 978-5-17-146107-2

ЛИТЕРАТУРА ДАЛЕКИХ ОСТРОВОВ

Литературный процесс на Тайване последние семьдесят лет обходили стороной революции и гуманитарные катастрофы. Зато в дискуссиях и общественных движениях недостатка не было. Нельзя сказать, что это особенно благоприятно повлияло на литературу, но уж точно не мешало ей развиваться. Расцвела она в эпоху запоздалого (по европейским меркам) модернизма 1960–1970-х годов, пережила эксперименты постмодернистской эпохи 1980–1990-х и вот теперь продолжает двигаться дальше, радуя читателя жанровой полифонией и бесконечной сменой нарративов. С каждым новым десятилетием в литературу приходит новое поколение, еще более независимое и свободное в своих поисках.

Стоит упомянуть о списке ста главных произведений художественной литературы XX века на китайском языке, опубликованном в 1999 году. В нем авторы с Тайваня составляют почти четверть имен. Откликнувшись на предложение редакции гонконгского журнала «Asiaweek», лучшие произведения отбирали литераторы и критики из китаезычных стран, без учета изменчивых интернет-рейтингов и статистики продаж, исключительно на основе литературных достоинств. На седьмом месте — сборник рассказов «Тайбэйцы» тайваньского писателя-модерниста Бай Сянь-юна, продолжающего активно участвовать в литературном процессе и по сей день. Интерес к тайваньским авторам в России становится все заметнее, однако к началу 2022 года из более чем сотни известных тайваньских писателей на русский язык переве-

дены лишь несколько и сосчитать их можно по пальцам одной руки. При этом на английский, французский, итальянский или чешский тайваньских авторов переводят так же часто, как и японских. К таким авторам относится и Сьяман Рапонган — писатель, принадлежащий к коренному народу тао.

Народ тао, очевидно, самый особенный из всех шестнадцати официально признанных коренных народов Тайваня. В сущности, тао родственны филиппинским народам больше, чем австронезийским. Многие слова языка тао близки иватанскому диалекту филиппинских языков. Изолированный образ жизни на острове у восточного побережья Тайваня позволил им дольше, чем другим коренным народам, избегать назойливого цивилизаторского влияния сначала японцев, а потом китайцев. На момент выхода этой книги насчитывалось всего около пяти тысяч человек, принадлежащих к народу тао.

Социальная хроника Тайваня 1970-х и 1980-х сохранила свидетельства того, что коренные жители — аборигены — считались отсталыми и даже дикими людьми. Для выходцев из коренных народов Тайваня многие пути в жизни, в том числе и литературное поприще, были практически закрыты из-за языковой дискриминации: в учебных заведениях десятилетиями запрещалось разговаривать на любом языке, кроме китайского. Лишь после отмены закона о военном положении в 1987 году ситуация стала стремительно меняться. Появились авторы, которые полностью или частично создавали произведения на родных языках (амис, бунун и др.). Прежде стеснявшиеся признавать свою идентичность, люди все смелее и даже с гордостью заговаривали о том, что они родом из удаленных горных селений или с далеких островов. Старое название «аборигены» или «горные соотечественники» постепенно сменилось на более политкорректное — «коренные народы».

Человеку сложно отреститься от своей идентичности. Интерес Сьямана Рапонгана к океану и традициям своего народа не угасал даже во время жизни на чужбине и скорее даже усилился в процессе культурной адаптации на тайваньском «континенте», куда он отправился получать образование. В своих эссе он часто вспоминает молодость, когда в поисках лучшей жизни покинул свой родной Орхидеевый остров (в европейских языках известный также как Ботель Тобаго, а на языке тао именуемый Островом людей — Понсо Но Тао). В конце семидесятых Сьяман Рапонган поступил на факультет французского языка и литературы Тамканского университета, одного из лучших частных университетов северного Тайваня, предлагающего субсидии талантливым представителям коренных народов. Позднее

он продолжил изучать антропологию и литературу. Но жизнь в Тайбэе, Синьчжу и других мегаполисах Тайваня была ему не по душе. Во многих своих произведениях он так или иначе заводит разговор об этих автобиографических деталях. Присутствуют они и в художественной прозе на уровне мотивов. Он рассказывает о самобытности, о не всегда взаимном диалоге культур, о дискриминации, с которой сам сталкивался как коренной житель. С годами этот опыт заставил его пересмотреть ценность культуры своих предков и, наконец, вернуться на Орхидеевый остров, чтобы создавать литературу на родном языке и бороться за права своего народа.

Вероятно, Сьяман Рапонган — самый известный дауншифтер в новой тайваньской литературе. Сам он любит называть себя писателем-рыбаком. В начале девяностых, повинуясь «зову предков», он отказался от навязанного ему китайского имени Ши Нулай и принял решение вернуться домой на родной Орхидеевый остров. Там, в селениях на берегу моря, он успел застать стариков, еще помнящих народные песни, древние традиции и ритуалы, связанные с ловлей летучей рыбы и постройкой шитых лодок *tatala*. Он стал учиться, как выходить в море на сделанной своими руками лодке, научился ловить рыбу, как настоящий рыбак тао. Связав свою жизнь с океаном, он начал работать научным сотрудником Центра океанологических исследований Национальной лаборатории прикладных исследований.

Слава писателя пришла к нему в 1992 году с выходом сборника эссе «Мифы бухты Бадайвань». Это образец этнической прозы, в которой доминантой звучит мотив сохранения коллективной памяти, традиционных обрядов и верований народа тао. Важная часть этой островной культуры связана с наступлением сезона летучей рыбы, продолжающегося с февраля по июнь. Это время считается священным, так что каждый представитель народа тао должен соблюдать установленные правила благочестия, чтобы ни в коем случае не нарушить табу и не навлечь тем самым проклятие на всех соплеменников. В предисловии к опубликованному в 2012 году роману «Глаза Неба» Сьяман Рапонган пишет: «Наверно, я из тех, кому нравится слушать истории и рассказывать их. Я рассказываю истории себе, рассказываю их людям, от которых пахнет рыбой так же скверно, как и от меня». Благодаря произведениям Сьямана Рапонгана тайваньские и зарубежные читатели узнали об особом культурном опыте сосуществования с природой, прежде остававшемся в тени. На полках книжных магазинов в Тайбэе в разделе «Литература коренных народов» можно найти не меньше десятка его произведений, выдержавших не одно переиздание за последние два десятилетия.

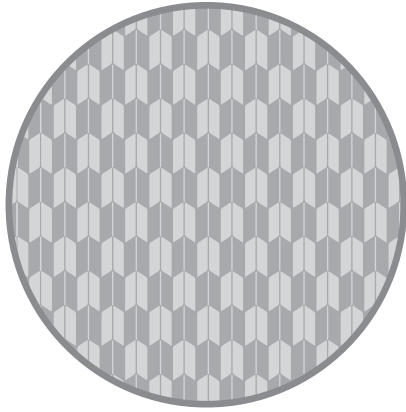
В дебютном романе «Черные крылья» слышится критика культурной китаизации коренного населения Тайваня. Однако более всего Сьямана Рапонгана интересует тема преемственности поколений, и сам текст представляет собой попытку рассказать о формирующих характер и определяющих жизнь мужчины традициях, связанных с ловом летучей рыбы. Эпическое начало романа сменяется рассказом от лица старого рыбака, вспоминающего о минувших днях. Напрашиваются аллюзии: «Старик и море» Хемингуэя. Затем следует новая смена перспективы, и перед нами — почти сказочные детские диалоги, в наивном просторечии которых таится мифическая красота.

Отдельно необходимо упомянуть о необычном художественном приеме — билингвальных диалогах. Надстрочники представляют собой фонетическую транскрипцию речи на языке тао. Романизированная транскрипция оригинала передана по-русски. Задача переводчика состояла в том, чтобы как можно точнее перенести звучание языка тао, создать зеркальный эффект, позволяющий прикоснуться к тайным смыслам древнего языка островного народа. Этнокультурная экзотика? Да, но еще и лингвистическая экзотика. Наличие таких надстрочников в диалогах означает, что персонажи общаются на языке тао. Отсутствие оных сообщает читателю, что звучит китайская речь. Авторские пояснения сохранены в тексте в оригинальном формате, то есть даются в скобках в тексте. Примечания переводчика даются в постраничных сносках.

Творчество Сьямана Рапонгана можно отнести к новой литературе об океане, одному из ответвлений набирающего силу направления — новой литературы о природе. Самым известным из зрелого поколения тайваньских писателей этого направления считается У Мин-и, чей роман «Человек с фасеточными глазами» переведен на русский язык и опубликован первым в серии АСТ «Лучшая проза Тайваня».

Благодарю за помощь в работе над переводом эксперта по рыболовству и бывалого путешественника Максима Филиппова, известного под ником «теfik».

Виталий Андреев



1



Летучие рыбы плывут друг за другом, идут косяк за косяком, окрашивая морскую гладь черным то здесь, то там. Стайками по три-четыре сотни, на расстоянии десятков метров друг от друга, они растянулись примерно на морскую милю, точно могучая рать выдвинулась в поход строгим строем по древнему пути — течению Куросио — и теперь приближается к водам у северной оконечности филиппинского архипелага Батанес.

Такая тьма летучей рыбы привлекает разных крупных хищников: вот барракуды, махи-махи, черные марлины, вот меч-рыбы, желтоперый каранкс и стая тунцов... Они следуют неотступно, закатывая глаза и выжидая идеальный момент, чтобы приступить к большой охоте. Летучие рыбы, робея, жмутся друг к другу, несмело поглядывая на своих злейших врагов, повисших у них на хвосте.

В это время впереди идущие навигаторы прокладывают курс — более крупные летучие рыбы с черными крыльями. Они знают, что надвигается страшная беда, и проворно сгоняют по три-четыре стайки вместе, пока наконец разрозненные группы рыб не объединяются в пять больших стай.

Все ближе момент, когда солнце скроется за горизонтом. Летучие рыбы с черными крыльями делаются все более беспокойными, и некоторые время от времени выплывают за границу стаи, опасаясь, что их более мелкие собратья, *Лок-Лок* или *Калалау*, останутся и окажутся вечерним лакомством для хищников. С высоты птичьего полета стаи летучих рыб похожи на потерявшие опору массивные рифовые плиты, плывущие по необъятному океану.

Преодолев три, потом четыре морских мили, косяки рыб достигают акватории к северо-востоку от островов Батанес. Преследующим их голодным рыбам не под силу так долго плыть против течения на столь дальние расстояния, к тому же близится ночь, поэтому они пробуют подобраться к большой стае с разных сторон. Их хвосты извиваются то быстро, то медленно, они то погружаются глубже, то поднимаются к поверхности, расправляя грудные плавники. Очень быстро крупные хищники окружают каждую стаю, держась всего в нескольких метрах. Это недоброе предзнаменование для летучих рыб. Они прижимаются друг к другу хвостом

к хвосту, но неминуемой беды уже не избежать, коль скоро вступает в силу проклятье — «сильный поедает слабого».

Нетерпеливые махи-махи, разгоряченные погоней, первыми стремительно врываются в хвост стаи, во все глаза нацелившись на добычу. Вжик! — и с ошеломляющей быстротой они настигают своих жертв, проглатывая сразу по две-три рыбешки. Завидя переполох в стае жертвы, остальные хищники, не теряя времени даром, присоединяются к чудовищному кровопролитию, открывая сезон весенней охоты.

И в одно мгновение, трепеща от ужаса, рыбешки выскакивают из воды и скользят над морской гладью в отблесках заката, словно радужные облака, что низко проносятся над горными хребтами. К северу от островов Батанес поверхность моря искрится ослепительно белым серебром. Рыбы планируют метров шестьдесят или семьдесят, а затем исчезают под водой, чтобы практически без передышки вновь расправить крылья и полететь, поднимаясь и опускаясь вслед за волнами. В этих прозрачных крыльях, без сомнения, заключена их воля к жизни.

Теперь махи-махи, отстающие метров на восемьдесят от перепуганных больших стай, сотнями выпрыгивают из моря по три-четыре раза. Они пронзают поверхность океана и принимают героическую позу в нескольких метрах над водой, готовые с довольным видом настигнуть и проглотить свою добычу. Запроки-

дывая головы, они триумфально машут хвостами, подтверждая железный закон природы: большие обижают маленьких.

Этим массовым убийством открывается занавес ежегодной кровавой охоты на летучих рыб. Страх усиливается с той же скоростью, с какой махи-махи переваривает одну рыбешку. Хотя их и десятки тысяч, с каждым непродолжительным полетом летучие рыбы теряют нескольких братьев и сестер. Но стоит им только вернуться в родной мир, под воду, ужасная сцена охоты продолжается и там, вынуждая их снова и снова повторять скользкий полет. Такой способ спасения бегством, хотя и отнимает много физических сил у преследующих их злобных хищников, по сути всего-навсего трюк, единственный способ избежать беды. Счастливичики остаются в живых, остальных ждет неминуемая гибель.

Наконец море снова темно-синее, снова спокойное. Набив свои желудки, хищники опять сделались кроткими и послушными, и в их глаза вернулась нежность ранней весны. Только во взгляде до смерти перепуганных летучих рыб, продолжающих движение, остается все тот же неизжитый страх. Им суждено плыть дальше, на север, по древнему и неизменному водному пути, следуя воле небесных богов (богов народа тао¹).

Север. Далеко ли до него? Об этом не ведают

¹ Один из 16 коренных народов Тайваня, также известный как «ями». Здесь и далее — прим. перев. Авторские примечания приводятся в скобках.

даже те, кто прокладывает курс, — летучие рыбы с черными крыльями. Правда, с незапамятных времен их предки рассказывали: «Хозяева родного края каждый год в конце зимы или ранней весной проводят, как наказали им духи предков, *Манаваг Со Амом Но Район* (День моления духам предков летучей рыбы, или Ритуал призыва рыбы). Только хозяева родных мест поклоняются нам с самым набожным сердцем и самой священной церемонией. Только доплыв до родных мест, мы сможем по-настоящему ощутить, что равны с людьми, видящими в нас добрых божеств. Однако же доплыть до родных мест нелегко. Чтобы нас приняли как божеств, нам приходится пережить не одно страшное бедствие, вызванное охотой. И бедствия эти год от года случаются в разных водах».

Стая рыб миновала остров *Итбаят* (самый северный из обитаемых островов на Филиппинах) и теперь идет дальше на север, мимо четырех островов *Миятован а Токоун* (остров Двух вершин), *Дзимавулис* (Плоский остров), *Дзималаван а Понсо* (Белый остров), *Иями* (Северный остров), — и все они необитаемые. Когда стая достигает острова *Иями*, наступает ночь, и ласковый свет луны и звезд серебром льется с высокого небосвода. Пришло время для привала в маленькой бухте, обращенной к северу, где течение поспокойнее. Чтобы большие рыбы не преследовали их, летучие стараются держаться поближе к приливной зоне, где чувствуют се-

бя более безопасно. Восстановив силы и собравшись духом, утром второго дня они отправятся в путь к своему родному краю — *Понсо Но Тао* (Остров людей²), *Дзимагавуд*.

Но от острова *Иями* до острова *Дзимагавуд* больше сорока морских миль. Это значительное расстояние, к тому же самая трудная часть пути: им не только нужно в любой момент быть готовыми к внезапному нападению преследующих их крупных рыб, но и придется, не жалея сил, преодолевать сопротивление мощного течения, устремившись к родному краю. Они знают, что год от года в этих водах гибнет от двадцати до тридцати процентов их братьев и сестер. Но, даже зная это, летучие рыбы с незапамятных времен никогда не меняли выбранного предками маршрута. Быть может, так предопределено судьбой! Быть может, потеря своих близких — естественный отбор, а гибель для рассекающих по океанским просторам рыб есть та самая абсолютная величина, которой нет начала и нет конца.

Как следует отдохнув ночью в маленькой бухте, летучие рыбы продолжают свое путешествие. Пускай у них нет конечного пункта, но самой радостной, самой окрыляющей для них становится остановка на полпути — Остров людей. Во время отдыха предводитель Черных Крыльев думает о том, что в этом дальнем плавании — от самых Гавайских остро-

² Так народ тао называет Орхидеевый остров, *кит.* Ланьюй.

вов, мимо островов Рюкю, восточного побережья Тайваня, островов Батанес, мимо Острова людей и Маршалловых островов, где живут такие разные народы, — больше всего любви и уважения к ним проявляют хозяева их родного края — люди тао. Черные Крылья думают о том, как славно было бы закончить жизнь в том краю!

На морском горизонте наконец-то забрезжила заря: наступает самое лучшее время для того, чтобы отправиться в путь. Вся стая еще раз делится на три больших — в каждой от двух до трех тысяч рыб — и в стройном порядке покидает маленькую бухту на северной стороне острова *Иями*. Маленькие летучие рыбки, появившиеся на свет меньше года назад, с перерывами выпрыгивают из центра стаи, тренируя скользкий полет. Вид у них такой восторженный, такой радостный. Но крупные рыбы, их заклятые враги, тоже успели набраться сил и теперь с неколебимой решительностью следуют за ними по пятам, с нетерпением ожидая новой большой охоты, очередного приема пищи.

Во время выхода из бухты летучие рыбы и крупные хищники связаны друг с другом так, как весенние лилии и люди в утренний час: дивные раскрывающиеся бутоны испускают приятное для человека благоухание, и потому противостояние между теми и другими сведено до минимума. Но когда солнце взойдет достаточно высоко, к девяти или десяти часам большие рыбы сделают первую вылазку, выйдут на охоту. А пока у рыбьей стаи одна